

Ю. И. МАСАНОВ

 МИРЕ
ПСЕВДОНИМОВ,
АНОНИМОВ
И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПОДДЕЛОК

*Под редакцией
и со вступительной сжабвей*
П. Н. БЕРКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
Москва · 1963

ГРИГОРИЙ КНИЖНИК

Псевдонимом Григорий Книжник подписывался в газетах «Московские ведомости» (1856) и «Наше время» (1862), а также в журналах «Библиотека для чтения» (1857), «Библиографические записки» (1858—1859) и «Книжный вестник» (1862) известный библиограф Григорий Николаевич Геннади (1826—1880), автор книги «Литература русской библиографии» (Спб., 1858), капитального «Справочного словаря о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях» (Т. I, II. Берлин, 1876—1880; Т. III. М., 1908) и других работ.

Этот же псевдоним появился и на отдельно изданных книгах: «Жизнь Ваньки Каина» (Спб., 1859) и «Любовь. Эротические стихотворения русских поэтов» (Спб., 1860).

Никому из русских библиографов так не доставалось от «эпиграммы-хохотуньи», которая, являясь жанром поэзии, в то же время служит и средством литературной критики, как Г. Н. Геннади. В многочисленных эпиграммах на него, как напечатанных, так и неопубликованных, высмеивались не только промахи в его литературно-библиографической работе, но и отдельные моменты личной жизни библиографа.

Происходя из богатой семьи, Г. Н. Геннади вел жизнь барина. Он женился на немолодой девице — княжне Е. А. Куракиной, прельстившись ее знатным происхождением. Друзья Г. Н. Геннади, а их у него было немало, встретили это хором насмешек. Неутомимый С. А. Соболевский посвятил этому эпизоду две эпиграммы: «Поздравление» и «На брак Геннади».

Печальным инцидентом в библиографической деятельности Г. Н. Геннади был следующий случай. В журнале «Отечественные записки», издававшемся А. А. Краевским, он напечатал в 1853 году

Г. Н. ГЕННАДИ. ПОРТРЕТ, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В КНИГЕ У. Г. ИВАСКА
«ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕННАДИ». М., 1913.

«Список сочинений Гоголя»¹, в котором учел ряд редких изданий произведений писателя, в том числе подписанных псевдонимами. Но, указав в списке всех «Глечиков» и «Аловых»², Г. Н. Геннади не включил в него величайшее произведение русской реалистической литературы — «Мертвые души».

Останавливаясь на этом факте, Н. А. Добролюбов писал: «Когда при вас говорят, напр., о Гоголе, то вам приходят на ум прежде всего «Мертвые души» и «Ревизор», оттого, что вы преимущественно к этим его произведениям привязываете разные литературные и общественные интересы. Для библиографа никаких интересов подобного рода не существует. Для него важна его наука, требующая указания страницы, года, формата и т. п. Библиограф погрешил бы против своей науки, если бы «Мертвым душам» отдал преимущество перед «Развязкой Ревизора» или «Перепиской». Он совершил бы страшное преступление, если бы «Мертвые души» предпочел «Гансу Кюхельгартену». Подумайте, что за невидаль «Мертвые души». А «Ганс» — библиографическая редкость...»³

Эпизод с «Мертвыми душами» был жестоко высмеян великим поэтом-демократом Н. А. Некрасовым в его сатире «Литературная травля, или раздраженный библиограф»⁴. В ней, между прочим, читаем:

...О светские забавы!
Пришлось вам поклониться,
Литературной славы
Решился я добиться.
Не долго думал думу,
Достал два автографа,
И вышел не без шуму
На путь библиографа.
Шекспировых творений
Составил полный список,
Без важных упущений
И без больших опусок.
Всего-то две ошибки
Открыли журналисты,
Как их умы ни гибки,
Как перья ни речисты:
Какую-то Заиру⁵
Позднейшего поэта
Я приписал Шекспиру,
Да пропустил Гамлета.
Ну, чтож? Большая важность!
Эх! русские журналы,

Невежество, продажность,
А метят в либералы.

.....
Могу себя прославить
И без журнальных стычек:
Решился я составить
«Словарь собачьих кличек».
Сей труд монументальный
И деньги мне доставит,
И зависти нахальной
Шипение подавит.

Эти сатирические стихи Некрасова были опубликованы в первом номере журнала «Современник» за 1861 год («Свисток» № 1) и подписаны псевдонимом Савва Намордников. Под этим же псевдонимом напечатаны сочинения Некрасова «Песня об «Очерках» и «Мое желание» в «Современнике» 1863 года («Свисток» № 9).

Поскольку псевдонимом Савва Намордников подписана сатира, направленная против библиографа, я заинтересовался, почему Некрасов так подписался. Оказывается, что происхождение этого псевдонима Некрасова имеет свою историю. Поэт, литературный критик и библиограф П. В. Быков (1848—1930) в своих воспоминаниях рассказал следующее:

«Министр Абрам Сергеевич Норов, стоявший во главе народного просвещения, тот самый, про которого Тютчев писал, что он —

Поставлен новым поколениям
В благонадежные вожди,—

запретил к выпуску второе издание стихотворений Некрасова. Давнишний приятель и почитатель поэта, граф Адлерберг, выхлопотал ему разрешение на это издание. При свидании с ним, поздравляя поэта, граф сказал: «А все-таки вас обкорнали, на вас надели намордник. Вы можете теперь под шуточными стишками так и подписываться «Намордников».

— Я поставил,— так, по словам П. В. Быкова, говорил Некрасов,— деревенское имя перед удачно выдуманной фамилией, и вышел псевдоним, очень понравившийся моим литературным друзьям — Ковалевскому, Добролюбову, Михайлову»⁶.

И отзыв Добролюбова, и сатира Некрасова о Геннади были направлены против формалистических тенденций в библиографии, увлечения библиографическими редкостями, против разработки неактуальных тем. А такие тенденции в 1850-х годах имели место. В историко-литературных исследованиях и в библиографических

работах этих лет сказывалось увлечение стариной, мелочными разысканиями. Историки литературы и библиографы недооценивали литературную критику и были скорее коллекционерами литературных раритетов, собирателями фактов. В самой же литературной критике наблюдался крен в библиографию.

Этот крутой поворот в направлении литературной критики Н. Г. Чернышевский ставил в прямую связь с политической реакцией конца царствования Николая I. В письме к Н. И. Костомарову летом 1853 года он писал: «Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями... Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой, как средством распространения человеческого взгляда на вещи»⁷.

Отрыв литературной критики от живой жизни и ее уклон в сторону библиографических разысканий, посвященных далекому прошлому, был неприемлем для революционных демократов. В этом уклоне они видели отказ от общественно-политических задач литературной критики, которую революционные демократы, наоборот, стремились сблизить с публицистикой, сделать ее активным средством воспитания общества.

Не случайно поэтому, что Н. А. Добролюбов с первых же шагов своей литературно-критической работы в боевом «Современнике» объявил поход против биографического и библиографического направления в критике.

Уже в своей статье «Собеседник любителей русского слова»⁸ Добролюбов дал подробный анализ этого поворота в направлении литературной критики. Сравнивая критику 1830—1840-х годов с критикой в 1850-е годы, Добролюбов отметил, что если раньше «ко всему хотели прилагать эстетические и философские начала, во всем искали внутреннего смысла, всякий предмет оценивали по тому значению, какое имеет он в общей системе знаний или между явлениями действительной жизни», то «теперь дорожат каждым малейшим фактом биографии и библиографии. Где первоначально были помещены такие-то стихи, какие в них были опечатки, как они изменены при последних изданиях, кому принадлежит подпись — А или Б, или В в таком-то журнале или альманахе, в каком доме бывал известный писатель, с кем он встречался, какой табак курил, какие носил сапоги, какие книги переводил по заказу книгопродавцев, на каком году написал первое стихотворение, — вот важнейшие задачи современной критики, вот любимые предметы ее исследований, споров соображений»⁹.

Узкобиографическое и библиографическое направление в критике вызывало резкие протесты со стороны Добролюбова. Однако эти протесты отнюдь не означали, что Добролюбов отрицал пользу библиографии. Добролюбов, как и Чернышевский, считал библиографию вспомогательной наукой, с помощью которой собираются факты, «материал для постройки здания», для выводов и обобщений. Эти выводы и обобщения, по мнению Добролюбова, и должна была давать литературная и научная критика. Фактическое или библиографическое направление в критике, когда она «представляет вам всевозможные перемены, какие сделаны в этом произведении при различных его редакциях», «расскажет вам, где и в каких обстоятельствах писано такое-то произведение» и «посредством множества хитрых соображений докажет, что это стихотворение, вероятно, писано было уже после того времени, как автор переехал с Мойки на Галерную улицу, но еще прежде, нежели он купил собственный дом»¹⁰, — такое направление Добролюбов считал вредным, подменяющим истинные задачи критики.

Добролюбов признавал, что занятия библиографов «трудны и почтенны», что «они полезны, они необходимы, они даже достойны уважения». Но когда он писал, что библиографы — это «носильщики, перетаскивающие камни к месту стройки», «рудокопы, копающие землю, чтобы отыскать в ее горах зернышко золота», то этим самым он подчеркивал, что библиография имеет вспомогательный характер для научного исследования¹¹.

Все сказанное свидетельствует о том, что сатира Н. А. Некрасова «Литературная травля, или раздраженный библиограф» не имеет частного характера насмешки над промахом, допущенным Г. Н. Геннадием в «Списке сочинений Гоголя». Содержание и направленность этой сатиры значительно шире. Сатирические стихи Некрасова перекликаются с высказываниями Добролюбова и Чернышевского о библиографии.

Возвращаясь к имени Григория Книжника — Г. Н. Геннадие, остановимся на другом эпизоде, относящемся к его деятельности, правда уже не как библиографа, а как текстолога и редактора.

В 1859 году в издании Я. А. Исакова было выпущено шеститомное издание собрания сочинений А. С. Пушкина под редакцией Г. Н. Геннадие. Оно было выполнено чрезвычайно небрежно, изобиловало пропусками, урезками текста и получило отрицательную оценку. Друг Пушкина С. А. Соболевский по поводу этого издания написал известную двухстрочную эпиграмму:

О, жертва бедная двух адовых исчадий:
Тебя убил Дантес и издает Геннадий!

Тому же Соболевскому принадлежит и вторая эпиграмма:

В о п и ю щ а я   н е с п р а в е д л и в о с т ь .

Скопят людей у нашей братьи!
Про это сведав, на беду
Приказ: всех нас забрать и
Немедленно предать суду.
Чьего ж заступничества ради
Другим скопителям простор?
Не под судом до этих пор
Отрешков, Анненков, Геннади!¹²

Соль этой эпиграммы, написанной от имени находившихся под судом скопцов и скопителей, — в отождествлении их с литературными «скопителями» Пушкина — редакторами его сочинений.

Н. И. Атрешков (или Отрешков) был одним из издателей посмертного собрания сочинений Пушкина, а П. В. Анненков — редактором издания 1855—1857 гг.

Редакторской работе Г. Н. Геннади над сочинениями Пушкина посвящена также эпиграмма Д. Д. Минаева:

З а п и с к а .

Я вместо всякого письма
Тебе шлю Пушкина издание.
В нем есть Геннади примечанья:
— Фу, братец, сколько в них... ума --
Ты думаешь, поди? А я так
В них больше вижу опечаток!¹³

В связи с выходом в свет издания сочинений Пушкина под редакцией Геннади в «Современнике» (1860, № 12, «Свисток», № 6) был напечатан фельетон «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина». В фельетоне высмеивается принятый Геннади способ печатания произведений Пушкина: варианты помещались в основном тексте сочинений. Фельетон написан в форме письма провинциала, недоумевающего по поводу «научного» издания сочинений Пушкина. Провинциальный читатель отмечает, что в этом издании он нашел много нового, но много знакомого не узнал. «Последнее обстоятельство, — читаем в фельетоне, — было для меня крайне грустно». «Г. Геннади, становясь теперь в уровень с требованиями своей глубокомысленной науки, хочет, чтобы не умерло не только ни одно слово, но даже ни одно чернильное пятно, которое он встречает в рукописях великого поэта... Прошу вас сообщить мне, справедливо ли известие, будто готовится еще издание сочинений Пушкина уже вполне удовлетворяющее требованиям библиографической науки, издание, как пишут мне, драгоцен-

ное для людей ученых, но которого я не куплю, ибо в нем, слышно, будут все стихотворения Пушкина напечатаны следующим образом:

Пора! трубят уже рога —
Пора, пора! уж рог трубит —
Пора, пора! рога (звучат) трубят,
Давно (чернильное пятно)
Давно . . . . .
В охотничьем псари уборе
Псари в охотнич. уб-х
Чем св. уж на к (смазано)
Борзые пр. на сворах
(Тут капля коричневого цвета)
И барин . . . . .
Выходит барин на крыльцо... и т. д.

Унылое чувство сознания старости и увядания овладевает невольно человеком, когда подумаешь, что становишься уже неспособным понимать те стремления, которыми одушевляются люди, занимающиеся наукой, прославившей имя Геннади...»¹⁴ — Так заканчивался фельетон о текстологических увлечениях при издании произведений русской литературы.

Критикуя Г. Н. Геннади, автор фельетона, исходя из запросов рядового читателя, справедливо протестовал против перегрузки сочинений классиков литературы в изданиях, предназначенных для широкого распространения, разнообразными вариантами, черновыми набросками и вставками из первоначальных редакций произведений. Воспроизведение всех этих материалов вполне оправдано в изданиях, рассчитанных на специалистов-литературоведов: они позволяют им глубже изучить творческую лабораторию писателя.

Как мы уже упоминали выше, в 1859 году в Петербурге была напечатана книга: «Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная. Новое издание Григория Книжника». Самая первая публикация «Жизни Ваньки Каина» была осуществлена еще в 1785 году. Тогда книга называлась «Жизнь и похождения российского Картуша, именуемого Каина, известного мошенника и того ремесла сыщика. За раскаяние в злодействе получившего от казни свободу; но за обращение в прежний промысел сосланного вечно на каторжную работу, прежде в Рогервик, а потом в Сибирь. Писанная им самим при Балтийском порте, в 1764 году».

Появление книги в издании Григория Книжника — Г. Н. Геннади вызвало ряд рецензий, в большинстве своем отрицательных. В анонимном отзыве Н. А. Добролюбов писал: «История Ваньки Каина» издана Григорием Книжником, следовательно, в ней нужно

ЖИЗНЬ
ВАНЬКИ КАИНА

ИИЪ САМИИЪ РАЗСКАЗАННАЯ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ
ГРИГОРИЯ КНИЖНИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1859.

**ЖИЗНЬ ВАНЬКИ КАИНА, ИИ САМИМ РАЗСКАЗАННАЯ. НОВОЕ ИЗДАНИЕ ГРИГОРИЯ
КНИЖНИКА. СПБ., 1859. ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ.**

искать интереса библиографического. Незнакомые с библиографией, мы просили одного из друзей наших, непризнанного, но страстного библиографа, рассмотреть это издание Григория Книжника с библиографической и историко-литературной точки зрения. Друг наш объявил нам, что «Жизнь Ваньки Каина» представляет чрезвычайно важное пособие для истории литературы и особенно для объяснения сочинений князя Антиоха Кантемира»¹⁵.

Ироническими словами о том, что «Жизнь Ваньки Каина» важна для изучения истории литературы и объяснения сочинений писателя XVIII века Антиоха Кантемира, Добролюбов выразил протест против издания книг, которые далеки от современности и по существу не имеют никакого общественного значения.

Особым недостатком издания книги «Жизнь Ваньки Каина» Григорием Книжником критика считала пропуск народных песен, которые помещались в более ранних публикациях.

Не оставил без внимания эту книгу и С. А. Соболевский. Он написал следующее:

За то, что жизнь ярыжника
Без песен он издал,
Я бы Григорья Книжника
Порядком наказал.
Уж подучу Игнатьева¹⁶,
Что следует ему
И сечь его и гнать его
В московскую тюрьму.
Никак не буду в горе я,
Коль перед тем, как сечь,
Он скажет в честь Григория
Хоть вот такую речь:
Вам жить в Москве — не в Порте ли?
Москва не то, что Питер,
Здесь много перепортили
Бумаги вы и литер.
Из них уж не две трети ли
Вы все перемарали?
А мы у вас не встретили
На грош в пере морали;
Пускаете турусы вы,
Турусы на колесах,—
А там княжны Урусовы
По вас чуть не в плересах¹⁷.

Последние строчки эпиграммы намекают на другое неудачное издание Г. Н. Геннади — книжку княжны В. Д. Урусовой «Малень-

кие души. Фантастическая сказка для детей. Издание Г. Н. Геннади и А. и Ф. Ушаковых» (М., 1865). Эта книжка была издана чрезвычайно небрежно, с огромным количеством опечаток.

Работая над «Словарем русских писателей», Г. Н. Геннади в журналах «Библиографические записки» и «Русский архив» помещал некрологические справки. Издатель «Русского архива» историк П. И. Бартенев отмечал: «Нам попался в руки листок, на котором изображен покойный наш приятель, известный библиограф Григорий Николаевич Геннади. Он обложен книгами. Входит слуга и докладывает, приехали Майков и Полонский. «Не надо, не надо!»— кричит ему Геннади,— они еще не померли»¹⁸.

Смысл этой шутки будет понятен, если указать, что в свой «Словарь русских писателей» Геннади включал сведения только об умерших лицах.

Несомненно, что в связи с этой установкой, принятой Геннади при отборе материала для словаря, в «Искре» братьев Курочкиных был напечатан принадлежащий П. А. Ефремову сатирический «Автонекролог И. И. Маслова»¹⁹ со следующей редакционной сноской:

«Исполняя желание нашего сотрудника И. И. Маслова, печатаем доставленный им автонекролог с пробелами, в которые после его смерти должны быть внесены: число его кончины (ныне ему неизвестное) и разные другие, могущие произойти случаи.— До сих пор в печати являлись только автобиографии, но, вероятно, поданный г. Масловым пример побудит к составлению своих автонекрологов господ Г-ди и Б-ва (т. е. Геннади и Бартенева.— Ю. М.), которые донныне занимались исключительно только печатанием некрологов, и мы даже слышали будто соревнование их на этом поприще достигло таких размеров, что уже заранее Ген-ди изготовил некролог господина Барт-ва, а господин Барт-в изготовил некролог господина Ген-ди. *Ред.*»

Как бы ни были порою резки отзывы современников о библиографической деятельности Григория Книжника — Г. Н. Геннади, несомненно, однако, что он сделал крупный вклад в развитие русской библиографии, а составленные им справочно-библиографические пособия и поныне используются библиотеками и научными работниками.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Геннади, Г. Н. Список сочинений Гоголя.— «Отечественные записки», 1853, № 9, отд. 7, стр. 29-35.

2. За подписью П. Глечик Н. В. Гоголь напечатал в «Литературной газете» (1831, т. 3, № 1) свое произведение «Учитель. Отрывок из малороссийской повести «Страшный кабан». Под псевдонимом В. Алов издана книга Гоголя «Ганс Кюхельгартен». Спб., 1829.

3. Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1934, стр. 483.

4. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. М., 1948, стр. 482-486.
5. «Заира» — трагедия Вольтера.
6. Быков, П. В. Силуэты далекого прошлого. М.-Л., 1930, стр. 104-105.
7. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений. Т. 15. Письма. М., 1950, стр. 905.
8. Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений. Т. I. М., 1934, стр. 29-100.
9. Там же, стр. 29.
10. Там же, стр. 30.
11. Подробнее см. статью: Масанов, Ю. И. Добролюбов и Чернышевский о библиографии и библиографическом направлении в литературной критике.— В сб.: «Советская библиография», вып. 37, 1954, стр. 25-39.
12. Соболевский, С. А. Эпиграммы и экспромты. М., 1913, стр. 30 и 116.
13. «Молва», 1879, № 72.
14. Некрасов, Н. А. Полное собрание сочинений. Т. IX. М., 1950, стр. 592. Автором фельетона, как указал Н. М. Гайденков, является не Некрасов, а М. Л. Михайлов («Советская книга», 1953, № 13, стр. 10).
15. Добролюбов, Н. А. Полное собрание сочинений. Т. II. М., 1935, стр. 469.
16. П. И. Игнатъев (1797—1879) — в 1860-х годах петербургский генерал-губернатор и председатель комитета министров.
17. Соболевский, С. А. Эпиграммы и экспромты. М., 1913, стр. 18.
18. Из записной книжки «Русского архива». — «Русский архив», 1909, т. 2, кп. 6, стр. 296.
19. «Искра», 1867, № 45, стр. 556.